

24. ДЕК. 84



ЛЕКЦІИ

129

ПО ИСТОРИИ ПОЛИЦЕЙСКАГО ПРАВА

И

ЗЕМСКИХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ ВЪ РОССІИ.

Читанныя въ Археологическомъ Институтѣ въ 1881, 1882
и 1883 годахъ профессоромъ И. Андреевскимъ.

Составленыя и изданныя слушателемъ Археологическаго Института

Д. Волковымъ.

1883 года

Типографія В. Грацианскаго, Невскій пр., д. № 46.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Дозволено цензурою. Спб. 15 сентября 1883 г.

Nov 4 1929

ОТНОШЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА КЪ СТРОИТЕЛЬНОМУ ДѢЛУ ВЪ РОССИИ ВЪ КОНЦѢ XVII И НАЧАЛѢ XVIII ВѢКА.

(Первые зачатки строительной полиціи).

Л Е К Ц І Я I.

Милостивые государи! Обратите вниманіе на Государство и строительное дѣло. Если при постройкѣ зданій мы теперь встречаемся съ цѣлой системой, съ цѣлой организаціей строительной полиціи, которая въ настоящее время представляетъ административное цѣлое, имѣющее своихъ органовъ и дѣйствующее на основаніи точныхъ законовъ, то все это систематическое цѣлое создано не вдругъ, слагалось постепенно—имѣетъ свою исторію. Сознаваемая теперь задача, законодательства и органовъ строительной полиціи, есть разрѣшеніе размовокъ между архитектурой, властѣльцами и санитарами, которые иногда прибѣгаютъ къ суду. Такія возрѣнія на общественныя зданія родились еще въ древнемъ мірѣ у Грековъ и Римлянъ, но тихо развивались, по мѣрѣ же общественнаго развитія болѣе и болѣе приобрѣтали общественныя права и перешли къ новымъ народамъ въ Европу. Когда же люди, понимающіе дѣло архитектуры, воспользовались всѣми опытами различныхъ органовъ строительнаго дѣла, когда развитіе естественныхъ наукъ, въ особенности медицины, требующей, чтобы зданія соотвѣтствовали гигиеническимъ условіямъ и были бы удобны въ санитарномъ отношеніи, тогда стала образовываться строительная полиція, какъ административное учрежденіе, цѣль котораго есть стремленіе обезпечить общество постройками: прочными, красивыми и удобными въ санитарномъ отношеніи. А какъ помѣщенія вліяютъ на умственную, физическую и экономическую жизнь на-

рода, то это учрежденіе получило право ограничивать частных людей, т. е. отдѣльных лицъ, во имя общаго права тѣмъ, что никому не даетъ воздвигать построекъ безъ архитектора и указываетъ способы ограниченія правъ личности, создавая самостоятельныя функціи строительнаго надзора, который правительство беретъ на себя. Постепенность въ развитіи строительнаго дѣла даетъ возможность подмѣтить, какъ создавались два существенныя положенія: 1) зданія, какъ отдѣльныя, такъ и совокупность ихъ въ государствѣ до образованія новѣйшей строительной полиціи, имѣли тѣ же самые роды вліянія, что и теперь: помѣщенія всегда вліяли на ихъ обитателей физически, умственно и эстетически, вліяли на степень народнаго богатства и силы самаго народа. 2) На всю строительную часть, до образованія строительной полиціи, всегда имѣла вліяніе церковь, община, правители общинъ, отдѣльныя лица и люди изъ богатѣйшихъ классовъ. Они по своему сознавали и развивали строительное дѣло, объясняя и указывая, какъ пользоваться руками рабочихъ, матеріалами и какъ приспособлять постройку къ жизни. Эти сочетанія объясняютъ очень многое по обезпеченію строительнаго дѣла. Послѣдствія этихъ вліяній представляютъ чрезвычайно разнообразныя результаты. Чѣмъ вліятельнѣе было развитіе во всѣхъ отношеніяхъ, тѣмъ и результаты знаній были богаче. У насъ строительной полиціи еще не существовало, когда она уже, и возникла на западѣ и стала получать громадное развитіе. Причиною отсталости Россіи въ этомъ отношеніи было то, что развитіе, быстро двигавшееся до XIV вѣка, потомъ пріостановилось или, лучше сказать, подавлено цѣлымъ рядомъ скопившихся неблагопріятныхъ условій. Остановимся на нѣсколько минутъ на періодѣ свободнаго вѣчеваго устройства. Въ вѣчевомъ строѣ вліянія и обстоятельства вызываютъ изученіе строительнаго дѣла. Два положенія очень важныя по своей сущности.

1-е положеніе.

Во времена вѣчеваго устройства по русскимъ городамъ, которые представляютъ центры общественной жизни, живутъ свѣдущіе люди—мастера. Въ Новгородѣ существовала цѣлая улица мастеровъ. Два конца занимали гончары и плотники; первые производили гончарныя произведенія и, между прочимъ, изразцы (напр. голландскіе, очень цѣнные, русскіе изразцы, какъ самые лучшіе), которые славились заграницей. Плотники строили дома и мосты

(такъ свидѣтельствуеъ уставъ о мостахъ въ Новгородѣ, гдѣ сказано, сколько кто отправляетъ повинности мощенія). Какъ только рушился вѣчевой строй, мастера расходятся по селамъ, и московское правительство добровольно не можетъ призвать работать для своихъ цѣлей, и поэтому стало требовать ихъ, а въ случаѣ неявки—налагало на нихъ штрафъ; но видя, что и это не помогаетъ, Москва стала требовать заложниковъ. Несмотря на репрессивныя мѣры, мастера неохотно шли работать въ Москву, потому что правительство дешевле платило чѣмъ частныя лица, нужно было находиться подъ вѣдѣніемъ иноземцевъ, чего русскіе мастера не любили. Въ XVII столѣтіи гончаровъ не встрѣчается, а также нѣтъ хорошихъ домовъ и печей, какіе прежде строили. Народъ отказывается отъ этого удобства, чтобъ не обратить вниманія правительства богатствомъ своего помѣщенія и не платить излишнихъ податей. Нужно замѣтить, что московское государство, т. е. правительство, всегда нуждалось въ деньгахъ и, при всякомъ крайнемъ случаѣ, увеличивало налоги, въ особенности на тѣхъ, у которыхъ дома лучше. Если правительству нужны были деньги, то оно созывало и земскіе соборы, на которыхъ большинство были лица, не платящія податей, и духовенство. (Современный публицистъ Котошихинъ говоритъ: «если кто построитъ хорошій домъ, тотъ непременно раззорится»). Въ то время всякій старался скрыть свое богатство и довольствовался вмѣсто хорошаго дома съ изразцовой печью, плохой избой, съ печью, изъ которой дымъ идетъ въ окно.

2-е положеніе.

Развитію строительнаго дѣла въ вѣчевой періодъ способствовало то, что во всѣ русскіе города могли безъ спроса прїѣзжать иноземцы и строить для себя дома и церкви по своимъ проєктамъ. Они привозили съ собой планы, фасады и проч. и по нимъ поручали строить русскимъ мастерамъ. Изъ этого видно то, что гдѣ славянскіе принципы свободны, тамъ процвѣтаетъ промышленность, напр. въ Новгородѣ, Псковѣ до XV вѣка и въ западныхъ городахъ. Въ Новгородѣ существовали такъ называемые дворы: Варяжскій, Готскій и Нѣмецкій. Дворы суть продукты ассоціаціи купцовъ, которые вели торговлю въ Европѣ. Подобныя ассоціаціи имѣли чисто общественный характеръ, а не государственный.

Въ вѣчевомъ періодѣ иностранные ремесленники, которые на

основаніи общихъ началъ русскаго права были свободно допущены въ Россію, внесли много своего собственнаго въ русскую жизнь, и ихъ свѣдѣнія смѣшались и соединились съ тѣми, чѣмъ владѣли сами русскіе мастера. Эти-то свѣдущіе и нѣсколько уже понимавшіе научную сторону иностранные ремесленники, въ вѣчевомъ періодѣ пріѣхавшіе въ Россію, и представляются важными въ смыслѣ метода по строительной части въ государствѣ тѣхъ новыхъ общественныхъ построекъ, въ которыхъ начали сознавать необходимость, именно—храмы. Здѣсь мы встрѣчаемся съ историческими данными, которые не представляютъ никакихъ сомнѣній. Иностранные ремесленники прежде всего начали появляться изъ Византіи, откуда сами ушли, потому что русскіе князья принимали ихъ весьма хорошо. Мы не мало видимъ свидѣтельствъ, что уже при Ярославѣ, послѣ того, какъ пришла первая партія рабочихъ изъ Византіи,—оттуда же явилась партія иконописцевъ. Разъ пришедши въ Россію и нашедши спросъ на свою работу, они протоптали себѣ прочную тропинку, по которой постоянно и весьма долго шли изъ Византіи. Но не изъ одной Византіи идутъ въ Россію ремесленники и изъ другихъ мѣстъ стали подвигаться: такъ при Андреѣ Боголюбскомъ, когда онъ началъ строить церковь Св. Богородицы во Владимірѣ, лѣтописецъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: «по вѣрѣ его и по достоянію къ Святѣй Богородицы, приведе ему Богъ изъ всѣхъ земель мастера». Въ исторіи постройки храмовъ, въ дѣлѣ стѣнъ и отдѣлки деталей представляетъ большой интересъ смѣшеніе иноземныхъ мастеровъ съ русскими. Это смѣшеніе замѣчается въ расположеніи храмовъ и въ самомъ ихъ стилѣ; и византійскій стиль начинаетъ дѣлаться господствующимъ. Въ концѣ XII столѣтія, иноземные мастера, принесшіе свои замыслы строительнаго дѣла, столкнулись уже съ русскими самостоятельными мастерами. Это видно изъ указанія Никоновской лѣтописи. Въ 1194 году нашлись въ первый разъ самостоятельные русскіе мастера, на которыхъ смотрѣли, какъ на чудо. Случилось это такимъ образомъ. Епископъ Іоаннъ искалъ для возобновленія церкви Пресвятой Богородицы, какъ обыкновенно, мастеровъ изъ Грековъ или изъ нѣмцевъ и былъ изумленъ, нашедши русскаго мастера. Можетъ быть, и раньше появлялись самостоятельные русскіе мастера, но выраженіе, которое употребилъ лѣтописецъ, заставляетъ думать, что раньше ихъ не знали. «Иже бысть дивно чудо Пречистою Богородицею и Ею вѣрою, иже иже мастеровъ отъ Нѣмцевъ, и обрете ихъ отработныхъ въ своей епископѣ и ото

иныхъ своихъ...», т. е. собственно русскихъ мастеровъ, которые могли бы совершить существенную перестройку храма. Слѣдовательно такіе строители въ Россіи были. Кромѣ того, были русскіе мастера на разныя вещи для церкви и много такихъ: это видно, что на разныхъ вещахъ того времени, напр., на колоколахъ, которые начали отливаться русскими мастерами, были поставлены имена мастеровъ. Въ XIV столѣтіи, при великомъ князѣ Семіонѣ Иоанновичѣ Московскомъ, были слиты три колокола мастеромъ Берисомъ, который поставилъ на этихъ колоколахъ свое имя. Въ Московскомъ періодѣ мастера шли уже изъ разныхъ странъ, и вотъ здѣсь является столкновение различныхъ мастеровъ по части строительнаго дѣла. Это столкновение нѣмецкихъ мастеровъ въ Литовской Руси, встрѣтившихся съ византійскими. Сѣверная Русь болѣе дорожила мастерами германскими, а Южная—византійскими. Въ Литовскую Русь нѣмецкіе мастера шли по особеннымъ обстоятельствамъ въ большомъ количествѣ: Литовская и Западная Русь долго, до самыхъ новыхъ пріемовъ русскаго строительнаго дѣла и даже при Петрѣ I, держались методовъ и принциповъ нѣмецкаго искусства; и вотъ являются моменты столкновения работъ и принциповъ нѣмецкихъ мастеровъ съ мастерами византійскими. Въ какомъ же положеніи были эти разнообразные мастера, которые являлись изъ разныхъ государствъ, въ какомъ отношеніи они находились къ русскимъ мастерамъ? Это вопросъ чрезвычайной важности, потому что русскіе мастера, которыхъ было много въ вѣчевомъ періодѣ по городамъ и селамъ, жили на своемъ чисто русскомъ принципѣ, который замѣтно отразился въ дѣлѣ строительнаго искусства, въ дѣлѣ передачи свѣдѣній и метода. Пріемъ работъ былъ исключительно русскій, который только въ нѣвѣйшее время поразилъ эту особенностію изслѣдовавшихъ его ученыхъ и который не былъ извѣстенъ, потому что славянскія страны, относительно этой части мастерства и законодательства, до сихъ поръ недостаточно изслѣдованы, хотя нужно думать, что русскіе принципы существовали издавна, а именно, что русскій мастеръ своихъ свѣдѣній въ секретѣ не держитъ и передаетъ молодцу, который, работая вмѣстѣ съ нимъ въ артели, исподоволь дѣлу научается. Это чисто русское начало весьма замѣчательное, которое сохранилось, когда русскіе мастера разбѣжались, а разбѣжались они съ грома московскаго, заставившаго всѣхъ русскихъ мастеровъ разбѣжаться изъ городовъ по селамъ и деревнямъ. Въ московскомъ періодѣ мы встрѣчаемъ этотъ застарѣлый обычай, сохранявшійся

мастерами, выходившими изъ селъ на городскія работы, обычай, по которому люди, желавшіе сдѣлаться мастерами, знать то же, что и другіе, просятъ взять ихъ съ собой на работу. Мастеръ беретъ, и, такимъ образомъ, образуется артель и поступившій въ нее подчиняется старшимъ или дядямъ въ артели. Это начало и столь стойкое, что встрѣчается и до сихъ поръ. Напримѣръ, современные архитекторы въ Россіи по необходимости съ нимъ считаются, хотя оно и представляетъ нѣкоторыя невыгоды и въ денежномъ отношеніи, и въ самомъ искусствѣ, но такъ велико оно и такъ важно, что передъ нимъ нельзя не преклониться.

Поступившій въ артель плотникъ, ничего еще незнающій, идетъ за мастера. Если артельщикъ или дядя его принялъ, то онъ за него и отвѣчаетъ, и на работахъ, если окажется какая-нибудь не- точность, дядя за него сдѣлаетъ, гдѣ надо. Съ этой невыгодностью можно помириться въ виду того, что безъ всякихъ школъ и затрудненій человѣкъ дѣлается мастеромъ. Это русское начало, съ которымъ должны были столкнуться нѣмецкіе мастера, у которыхъ было совсѣмъ другое начало; они прежде всего принимали въ ученье на годъ; учитель отвѣчалъ за ученика и не выпускалъ его на работу, прежде чѣмъ онъ опредѣленное число лѣтъ не пробылъ мальчикомъ, потомъ подмастерьемъ, и тогда только его возводили въ степень мастера. Начало, которое принесли къ намъ иностранцы въ вѣчевомъ періодѣ, очень любопытно. Русскіе его приняли; «и отчего не поучиться!» Но поступать къ нимъ въ постоянное обученіе не пожелали, разсуждая весьма наивно, по свойству русскаго человѣка, «что за мудрость, онъ дѣлаетъ и мы поймемъ». И дѣйствительно, такимъ образомъ, перенимали многое, но когда московское правительство стало нуждаться въ разныхъ мастерахъ, оно потребовало, чтобы русскіе пошли въ ученье по разнымъ спеціальнымъ промысламъ. Любопытно то обстоятельство, что иностранные мастера, появившіеся на Руси, никакихъ затрудненій со стороны русскихъ мастеровъ не встрѣчали. Русскіе мастера не боялись конкуренціи иностранныхъ, и не видно ни одного случая, чтобы русскіе мастера были недовольны появленіемъ иностранныхъ. Напротивъ, есть указаніе, что русскія артели брали на себя работу вмѣстѣ съ иностранцами. Это явленіе объясняется чисто бытовымъ складомъ: русскіе чрезвычайно гуманно относились къ иноземцамъ, какъ къ торговымъ людямъ, какъ и къ представителямъ религіи. Всѣ двери были для нихъ раскрыты. Но нельзя не удивляться, что русскія артели берутъ постройки вмѣстѣ съ иноземцами. Въ городѣ Псковѣ мы

видимъ очень любопытное обстоятельство: русскій мастеръ Θεодоръ, въ началѣ XV столѣтія, взялъ подрядъ обить свинцомъ церковь Св. Троицы, но справиться съ этимъ дѣломъ не могъ и обратился къ иностраннымъ мастерамъ: не согласятся ли они помочь ему въ этомъ дѣлѣ? Иноземные мастера, находящіеся во Псковѣ, не могли ничего сдѣлать. Очевидно, затрудненія представлялись какія-нибудь неустрашимыя. Тогда Θεодоръ обратился къ владыкѣ, не найдетъ ли онъ мастера, который могъ бы справиться съ дѣломъ. Митрополитъ Фотій прислалъ изъ Москвы иноземнаго мастера, который, научивъ Θεодора, какъ поступить въ этомъ дѣлѣ, уѣхалъ обратно въ Москву. Такимъ образомъ оказывается, что русскіе мастера не чуждались иноземныхъ и охотно пользовались ихъ знаніями. Иностраннымъ мастерамъ грозила опасность съ появленіемъ на Руси монголовъ, исторія которыхъ начинаетъ разрабатываться только теперь; но весьма интересно то, что монголы относились къ людямъ науки и искусства съ уваженіемъ и по своему религіозному представленію считали ихъ людьми, и осѣненными свыше, и потому всѣхъ ихъ признавали за людей церковныхъ; и всякаго рода мастера и въ томъ числѣ и мастера, участвовавшіе въ постройкахъ, подходили прямо подъ понятіе такихъ людей, которые подъ ярлыки попадали. Ханскіе ярлыки представляютъ очень любопытное явленіе въ монгольской исторіи. У насъ сохранилось семь ярлыковъ, и изъ нихъ седьмой представляетъ только подорожную. Слово ярлыкъ значитъ «слово старшаго къ младшему», т. е. приказаніе. Ярлыкъ заключаетъ въ себѣ ханское приказаніе монгольскимъ чиновникамъ. Монгольскіе чиновники на Руси назывались дорогами и раздѣлялись на нѣсколько степеней: на большія, улусныя дороги и т. д. Въ ярлыкахъ указывалось, кого чиновники могутъ трогать и привлекать къ податямъ и повинностямъ. Въ этихъ же ярлыкахъ сказано: «А что будутъ церковные люди, ремесленники кои или писцы, или каменны здатели, или дровяные или иные мастера, каковы ни буди, а въ то наши никто не вступаются и на наше дѣло да не емлютъ ихъ». Слѣдовательно, мастера подошли подъ полную привиллегію церковныхъ людей и вслѣдствіе этого приливъ иностранныхъ мастеровъ не уменьшался во время монгольскаго ига. Монголы и у себя обыкновенно, цѣнили свѣдущихъ людей и въ особенности строителей. Европейскіе путешественники, которые попадали въ степи монгольскаго хана, рассказываютъ, что они были поражены встрѣтивши тамъ всякаго рода мастеровъ. Эти извѣстія совершенно совпадаютъ съ тѣмъ, что дѣлали монголы и въ Россіи. «Мастера трогать

нелзя». По восточной теологіи и восточной исторіи всѣ изслѣдованія привели къ тому, что монголы людей церковныхъ, свѣдущихъ и мастеровъ дѣйствительно облакали такими привиллегіями въ силу своихъ религіозныхъ воззрѣній. Мастеръ—избранное лицо, Богомъ хранимое, если его тронуть, то Богъ накажетъ монгола. Вотъ воззрѣнія, которыя у нихъ были, и которыми объясняется та масса привиллегій и названіе мастеровъ людьми церковными. «Отъ мастера нивакого зла быть не можетъ, а только добро: мастеръ сдѣлаетъ то, что другой сдѣлать не можетъ».

Такимъ образомъ оказывается, что въ данномъ случаѣ монголы опередили даже Европу. Въ Европѣ на знающихъ людей, людей разума, долго смотрѣли подозрительно; не заключается-ли въ нихъ какая-нибудь опасность въ политическомъ отношеніи и только мало по-малу ихъ стали тамъ признавать за руководителей жизни. Тѣмъ обстоятельствомъ, что монголы покровительствовали свѣдущимъ людямъ, исторія объясняетъ то явленіе, что у насъ этихъ иностранныхъ мастеровъ было очень много, и что они важны были въ дѣлѣ построекъ, въ дѣлѣ фресокъ и художественнаго иконописанія на стѣнахъ, что чрезвычайно нравилось русскимъ, которые стали у нихъ обучаться. Самые уродливыя произведенія въ первыхъ нашихъ церквахъ являлись въ дѣлѣ византійцевъ. Напримѣръ, во времена великаго князя Всеволода Ярославича. Св. Алимпій, бывшій потомъ инокомъ печерскимъ, въ юности былъ посланъ родителями въ обученіе къ греческимъ иконописцамъ и потомъ этою живописью занимался не только самъ, но около него занималось много русскихъ дѣтей. Любопытно то обстоятельство, что къ нѣкоторымъ русскимъ мастерамъ иностранцы поступали въ обученіе, но какъ у насъ не было устроено ничего подобнаго цехамъ, мы видимъ, что русскіе мастера допускали къ себѣ въ дружины иностранцевъ, «если имъ хочется поучиться, какъ русскіе мастера строить церкви». И дѣйствительно, русскіе мастера проявляли въ этомъ отношеніи нѣчто изумительное: самые простые расчеты, а вмѣсто архитектора—люди свѣдущіе въ постройкѣ лѣсовъ. Что русскіе мастера допускали иностранцевъ въ свои дружины, видно изъ слѣдующаго обстоятельства. Въ половинѣ XIV столѣтія начали подписывать церковь Св. Спаса на счетъ великой княгини Анастасіи и при этомъ «начальницы быша Рустія родомъ, и Гречестіи ученицы: Гойтанъ, Семень и Иванъ». Это значитъ, русская артель допустила къ себѣ грековъ обучаться у нихъ. Точно также мы видимъ, что иногда подряды беретъ русская артель совмѣстно съ нѣ-

мецкими мастерами. Это значитъ, что если требуется какая-нибудь работа болѣе отчетливая, на примѣръ, по рисунку окна и двери сдѣлать, то русскіе мастера на эту работу одни нейдутъ, а совмѣстно съ иностранными мастерами. Въ лѣтописи есть примѣры: «Въ лѣто 1433 постави преподобный, нарѣченный владыка Емпій въ Новѣгородѣ палату у себя во дворѣ, а дверей у ней 30, а мастера дѣлали нѣмецкіе изъ-заморья съ новгородскими мастера купно». Значитъ образовалась артель, новгородскіе мастера сошлись съ нѣмецкими, и взяли на себя подрядъ. Этимъ путемъ многія свѣдѣнія въ дѣлѣ построекъ должны были легко передаваться русскимъ.

Съ того момента, когда стало возвышаться московское государство, когда исчезли наши вѣчевые города, и все стало подчиняться московскимъ порядкамъ, и въ строительномъ дѣлѣ должно было явиться громадное измѣненіе. Этотъ моментъ представляется весьма важнымъ для исторіи полиціи. Извѣстно, что съ московскаго погрома мастера изъ городовъ разбѣжались по деревнямъ и селамъ. На примѣръ, цѣлыя артели новгородскихъ плотниковъ переселялись въ Архангельскъ и Сибирь. Для Москвы это обстоятельство было чрезвычайно невыгодно, потому что Москва нуждалась въ громадномъ количествѣ мастеровъ для цѣлаго ряда государственныхъ построекъ, которыя рядомъ съ высшими государственными дѣлами вызывали массу мастеровъ. Что же дѣлаетъ Москва? Вплоть до XVIII столѣтія московское правительство представляетъ такое положеніе: «Я, какъ правительство, въ правѣ потребовать на мою казенную работу всѣхъ мастеровъ, какихъ хочу!» Въ московскомъ періодѣ мы видимъ цѣлый рядъ постановленій отъ казны по всѣмъ селамъ и деревнямъ, чтобы къ веснѣ высылали такое-то количество разныхъ мастеровъ: плотниковъ, землекоповъ, каменотесовъ и т. п., а если не пошлютъ, то подвергнутся такимъ то и такимъ-то невыгодамъ. Сначала грозитъ московское правительство: такіе-то города на казенную работу, чтобы непременно стали съ весны». Мастера на работы не являются, потому что артелей достаточно только для частныхъ работъ, для новыхъ казенныхъ построекъ ихъ мало; да казна и платитъ дешевле, чѣмъ частные предприниматели. Поэтому мастера на казенную работу не идутъ, а построекъ очень много. Москва ожидаетъ. Требовалось строить массу городовъ въ смыслѣ остроговъ и укрѣпленій, нужны мастера, но ихъ нѣтъ. Тогда Москва вызываетъ отъ себя иностранныхъ мастеровъ и въ обученіе къ нимъ отдаетъ тѣхъ мастеровъ, кото-

рыхъ можетъ нанять въ Москвѣ и по близости. Но вѣдь этого мало для Москвы и для правильнаго вѣдѣнія дѣла построекъ. Исторія московскаго каменнаго приказа и другихъ представляетъ множество примѣровъ вызова иностранныхъ мастеровъ и привлеченія русскихъ учиться у нихъ, но русскіе мастера не идутъ на казенныя постройки и некому учиться у иностранцевъ. Денегъ очень мало. Вотъ почему всѣ московскія постройки очень плохи. Не хватаетъ также и мастеровъ, такъ что большинство казенныхъ построекъ пришлось вести войсками: «такіе-то полки на такія-то работы посланы». Но вѣдь въ полкахъ мастеровъ нѣтъ, но дѣлать нечего, и оттого постройки казенныя каждый годъ разваливаются въ московскомъ періодѣ. И вотъ Москва прибѣгаетъ къ такому средству: «какъ объявятъ, что весною въ такихъ-то городахъ постройка, требовать отъ селъ поручительныхъ записей и брать заложниковъ въ Москву, что такая-то артель, изъ такого-то села явится на казенныя работы. Это въ XVI и XVII столѣтіяхъ дѣйствуетъ какъ система и къ ней прибѣгнулъ Петръ Великій при постройкѣ Петербурга. И отправлялись такіе заложники въ Москву, которые своею личностію отвѣтствовали, что артель изъ ихъ села на весну выступитъ на казенную работу. Вотъ къ какому средству Москва должна была прибѣгнуть; оправдать ее можно: построекъ очень много, цѣлая масса городовъ строится московскимъ правительствомъ и эта масса построекъ касалась всецѣло постройки остроговъ, бойницъ около городовъ и церквей. Такъ какъ русская территорія постоянно расширяется подъ властью Москвы, то средствъ никогда не хватаетъ, и денегъ нѣтъ и мастеровъ нѣтъ. Какъ построятся? Откуда добыть денегъ? И вотъ мы имѣемъ обширнѣйшій матеріалъ въ смыслѣ исторіи нашего архитектурнаго и строительнаго дѣла и въ этомъ отношеніи почти еще не тронутый. Этотъ матеріалъ въ наказахъ воеводскихъ и въ отпискахъ воеводъ и представляетъ онъ цѣлую исторію русскихъ построекъ, которая свидѣтельствуютъ какъ плохи были постройки въ московскомъ періодѣ, и какія затрудненія онѣ представляли и воеводамъ и мастерамъ. Должность воеводы была временной. Въ вѣчевомъ періодѣ земля княжествъ дѣлилась на намѣстничества и каждое намѣстничество на волостительство. Намѣстникъ исправлялъ всѣ княжескія операціи, но эти намѣстники такъ отдѣлились отъ развившихся интересовъ общества, что между ними и обществомъ явился разладъ. Жители стали приносить жалобы, что намѣстникъ не понимаетъ ничего въ управленіи и управляетъ такъ не удачно, что «мы

лучше будемъ въ казну вносить, минуя Намѣстническую избу». Намѣстники, въ свою очередь, приносили жалобы, что ихъ не слушаютъ и даже бьютъ вмѣсто того, чтобы повиноваться. И вотъ московское правительство рѣшило отставить намѣстниковъ отъ участія въ управленіи; рождалась мысль полного самоуправленія въ мѣстностяхъ... «чтобы сами своими дѣлами управляли и сносились съ Москвой». Но этотъ планъ былъ теменъ, потому что крѣпостная зависимость прорывалась въ жизнь, и въ виду этого Іоаннъ IV сталъ назначать воеводъ въ главные города, а затѣмъ это временная мѣра сдѣлалась постоянною, и воеводы были посланы во всѣ города. Вотъ эти-то воеводы явились строителями на Руси. О постройкѣ каждаго города, обыкновенно составлялась сказка (нѣкоторыя изъ нихъ сохранились) весьма обстоятельно, потому что рука дьяка составлявшаго эту сказку, всегда поражаетъ точностью, соотвѣтствовавшею перу каждаго дьяка. Воевода долженъ строить городъ, какой-же планъ ему принять? Плана очевидно никакого не существовало. Построить городъ, значитъ построить острогъ, подъ которымъ разумѣлось выстроить такую стѣну, чтобы на стѣнахъ было скрыто оружіе и поставлены пушки того времени, чтобы были ворота, тайники, тайные переходы и колодцы. То-же почти во всѣхъ городахъ того времени, а внутри города, чтобы были церковь и торгъ, потому что иначе торговые люди не идутъ, а безъ нихъ городъ не обойдется. Откуда-же получить средства, чтобы построить такой городъ? Приказывали воеводѣ добыть денегъ. Это особый методъ московскаго правительства. Было такъ, что если въ казнѣ денегъ нѣтъ, то предписывалось воеводѣ по его вымотру и какъ его Богъ вразумитъ достать денегъ. Предлагалось собрать денегъ съ кого можно. Этотъ вымотръ и вразумленіе Божіе выражалось въ томъ, что воевода всегда соберетъ деньги. Если въ московскомъ казначействѣ деньги имѣются, то онѣ высылаются воеводѣ, но неизвѣстно было, сколько нужно денегъ на постройки, и если посланной суммы не хватить, то указано было собрать. Въ этомъ отношеніи любопытна грамота Пермскому воеводѣ: когда строился пермскій острогъ, была послана грамота, чтобы воевода позаботился о всевозможномъ сборѣ денегъ на постройку города «собрать со всѣхъ, съ кого и въ комъ размѣръ можетъ». Воеводы-же по своему вымотру собирали деньги и для себя во имя государственной потребности. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ и не нужно было строить остроговъ, воеводы по тому же принципу, дѣлали представленіе, что если не построить острога, то

опасность громадная будет грозить, и Москва разрѣшаетъ собирать съ кого можно по деньгѣ съ души и построить въ тѣхъ мѣстахъ остроги и города, гдѣ найдетъ воевода необходимымъ. Къ этому нужно присоединить, что города и остроги безпрестанно горѣли, отчасти потому, что обращеніе съ зельемъ было неудачно, отчасти-же отъ непригодности трубъ, которыя при дешевыхъ постройкахъ въ этихъ острогахъ, были очень дурно устроены. Остроги горѣли безпрестанно, ихъ нужно было возобновлять, но не было денегъ и поступали такимъ образомъ. Въ половинѣ XVII столѣтія сгорѣлъ Тобольскій острогъ и тобольскій воевода Шереметьевъ собралъ съ тобольскихъ людей сборъ, чтобы возстановить его, но денегъ не хватило. У тобольскихъ людей уже воевода все забралъ, что можно. Тогда воевода пишетъ въ сосѣднему Тюменскому воеводѣ: «нельзя ли ему подавить торговыхъ людей, можетъ быть, что нибудь и получить; и тюменскій воевода давить всѣхъ податныхъ людей. И со всякаго рода тяглыхъ и оброчныхъ людей нашелъ возможнымъ взять съ рубля по 2 алтына и 4 деньги, а съ посадскихъ—немного, сколько доведется взять, потому что это единственный родъ людей, съ которыми считаться трудно — они въ Москву еще сиротскую челобитную пишутъ, и хотя московское правительство запретило писать имъ челобитныя, но они пишутъ и добиваются. Тобольскій острогъ сгорѣлъ, а тюменскій воевода своихъ давить, потому что нечѣмъ острога возобновить, и это обстоятельство дастъ важный матеріалъ строительнаго дѣла на Руси. Каждый воевода на основаніи своего наказа, принявъ воеводство отъ перваго воеводы, обязанъ отписать въ Москву, что онъ принялъ отъ стараго, и въ какомъ положеніи городъ находился. Эти отписки представляютъ любопытный матеріалъ, потому что въ этихъ отпискахъ описаніе цѣлаго города. И почти каждый воевода пишетъ, что всѣ постройки въ городѣ валяются, что необходимо ремонтировать, а денегъ и мастеровъ нѣтъ. Московскіе дѣятели, вѣроятно, въ этихъ случаяхъ держались системы отмалчиванія, такъ какъ въ Москвѣ также ни денегъ, ни мастеровъ нѣтъ.
